

УДК 32:141.82(091)

*Н.Н. Бармина***ПРОБЛЕМА «ЗАПАДА» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ**

В статье рассматривается история становления трех основных направлений русской общественной мысли – консервативного, либерального и радикального. Основное внимание уделено разделению русских мыслителей на европоцентристов и сторонников особого пути России. Главная цель было проанализировать идею «Запада» в русской интеллектуальной традиции. Основная часть статьи посвящена раскрытию противостояния между двумя течениями русской общественной мысли на рубеже XIX–XX веков: марксизма и русского народничества. В центре дискуссии оказалась проблема развития капитализма в России, отрицание возможности такого развития было характерной особенностью идей Н.К. Михайловского, В.П. Воронцова, Н.Ф. Даниельсона и других представителей народничества. Русские марксисты в лице П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, Г.В. Плеханова провозглашали неизбежность и прогрессивность капитализма для России, рассматривая его как необходимый этап для будущего социализма.

Ключевые слова: русская общественная мысль, консерватизм, либерализм, марксизм, народничество, проблема «Запада», капитализм.

Введение

История русской общественной мысли вызывала и продолжает вызывать многочисленные споры и попытки ее переосмысления. Интерес к наследию отечественной мысли двух последних столетий столь велик, что даже задача полноценного обзора накопившихся трудов требует самостоятельного исследования.

Непреходящая актуальность данного направления исторических, философских, социологических и политологических изысканий постоянно подпитывается тремя факторами: во-первых, русская мысль, зачастую оформленная в форму академическую или художественную, никогда не переставала нести на себе мировоззренческую и идейно-политическую нагрузку; во-вторых, на каждом этапе развития российского общества и государства комплекс идей, выработанных в рамках русской общественной мысли, подвергался пересмотру и переоценке, осуществлялся процесс реинтерпретации как собственно истории России, так и истории ее самовосприятия и самоосмысления в концептах основных теоретиков; в-третьих, сегодня, в начале XXI века, современная российская политическая и социальная мысль развивается на базе того наследия, которое сформировалось столетие тому назад, фактически – в тех же рамках и в том же круге проблем.

Первый этап осмысления истории русской общественной мысли был связан с трудами А.Н. Пыпина (1833–1904). Собственно, он дал ряд определений, ставших общепринятыми в нашей науке (например, термин «теория официальной народности»); предпринял первые попытки систематизировать основные течения общественной мысли. В начале прошлого века попытку комплексно исследовать историю русской общественной мысли предпринял Р.В. Иванов-Разумник (1878–1946) в двухтомной «Истории русской общественной мысли» (1911). Стоявший на позициях народничества, автор рассматривал всю панораму жизни XIX столетия как процесс борьбы между «индивидуальностью», носителем которой он считал интеллигенцию, и «мещанством». Не пренебрегали вкладом в изучение истории русской общественной мысли и представители иных философско-идейных течений России: марксисты, либералы, консерваторы. Последним трудом основателя русского марксизма Г.В. Плеханова стала многотомная «История русской общественной мысли». Таким образом, сам процесс изучения идейного наследия русской мысли был искусственно драматизирован и политизирован борьбой различных течений, зачастую пытавшихся «присвоить» того или иного автора или примат той или иной идеи. Весьма показательны в этом отношении бои за Н.Г. Чернышевского, одного из родоначальников и основателей русского народничества, которого тем не менее ранние русские марксисты – с подачи того же Г.В. Плеханова – в течение нескольких десятилетий упорно зачисляли в предтечи русского марксизма.

Сложившаяся в советский период система изучения общественно-политической мысли в рамках нескольких дисциплинарных коридоров привела к своеобразному расслоению и фрагментации как наследия отдельных авторов, так и целых направлений русского интеллектуального процесса.

Философы, социологи, историки, специалисты по истории правовой и политической мысли создали огромное количество работ, посвященных отдельным персоналиям, отдельным течениям, группам и организациям. Однако парадоксальным итогом такого творческого изобилия стала утрата целостности восприятия русского интеллектуального процесса.

Настоящая статья, не претендуя на универсальность, посвящена анализу процесса становления в русской общественной мысли такого понятия, как «Запад», вариантам интерпретации данного понятия и той инструментальной роли, которую Запад играл и продолжает играть в отечественной интеллектуальной жизни. Основное внимание в ней будет уделено предреволюционному периоду 1890–1900-х гг., как моменту, оказавшему наиболее существенное влияние на последующие периоды развития российского общества вплоть до настоящего времени.

К вопросу об истоках русской общественной мысли

В отечественной исследовательской литературе можно найти множество теорий, описывающих тот исторический момент, тот фокус, с которого русская общественная мысль может рассматриваться как самостоятельное, оригинальное и значимое явление. Предлагаются разные точки отсчета: Древняя Русь, эпоха XV–XVI столетий, Петровское время. С нашей точки зрения, говорить о русской общественной мысли в полном смысле этого слова можно только начиная с 1820–1830-х гг. Именно к этому моменту складываются предпосылки формирования ее основных течений, формулируется тот круг проблем, в котором русская мысль будет вращаться на протяжении последующих двух столетий.

Базой, исторической и интеллектуальной основой процесса зарождения русской мысли во всем ее многообразии стала эпоха Просвещения. Европейское Просвещение (в первую очередь французское и немецкое) оказало ключевое влияние на формирование светского, рационалистического по сути процесса становления образования в России, литературного развития, научного поиска и исторического самоопределения.

В применении к истории русской общественной мысли эпохой Просвещения можно считать период царствования трех российских монархов: Екатерины Великой, Павла и Александра Благословенного. Эти пять-шесть десятилетий стали величайшим рубежом в процессе становления русской государственности, государственной мысли и русского самосознания. Этому способствовали как военные победы русского оружия, так и успехи хозяйственной деятельности, становление первых университетов, рост культуры и повышение интеллектуальных запросов хотя бы в высшем сегменте российского общества.

К моменту вступления на престол Российской империи Николая I русское общество было готово к созданию собственной общественно-политической мысли. 1830-е гг. стали эпохой формирования трех основных течений русской мысли: консервативно-охранительного, либерально-реформаторского и радикально-революционного.

У истоков каждого из этих направлений оказалась собственная культовая фигура, оказавшая определяющее влияние на процесс формирования основных положений и идей.

Любопытно, что до восстания декабристов 14 декабря 1825 г. русская власть не испытывала настоятельной потребности в создании и поддержании официальной государственной идеологии. Попытки Екатерины II внедрить в русскую жизнь основы «Просвещенного Абсолютизма» носили скорее культуртрегерский характер, а не являлись попыткой создать систему идей, оправдывающих и обосновывающих существующий социальный и политический порядок. И это несмотря на события Великой французской революции, несмотря на длительное присутствие в петербургском обществе родоначальника европейского консерватизма Жозефа де Местра (1763–1821), являвшегося в 1803–1817 гг. посланником Королевства Сардинии. Именно в России были им написаны и впервые опубликованы его основные произведения. Тем не менее на формирование собственно русской мысли влияние Жозефа де Местра оказалось минимальным, возможно, в силу того, что русское образованное общество в первой четверти XIX столетия было еще вполне просветительским по духу, тогда как сумрачные постулаты де Местра уже относились к постпросвещенческой эпохе европейского мышления.

Потребность в формировании охранительного течения русской мысли возникла тогда, когда дворянство – основная социальная опора абсолютистского режима – в 1825 г. проявило себя совершенно с другой стороны. Ответом стало возникновение так называемой теории официальной народности, главным идеологом которой мы традиционно считаем николаевского министра народного просвещения Сергея Семёновича Уварова (1786–1855), известного своей «уваровской» триадой

«Православие, Самодержавие, Народность». Интересно, что основой для идей С.С. Уварова послужили труды французского просветителя Шарля Луи де Монтескьё, описывавшего в книге «О духе законов» структуру общества, в которой посредником между монархом и народом выступает дворянство. В новых российских условиях дворянство, проявившее строптивость и нелояльность к власти, Уваров предлагал заместить чиновничеством, полагая, что оно будет одновременно и ближе к народу, и более зависимо от власти. Следует подчеркнуть, что сам будущий граф Уваров (титул он получил только в 1846 г.) был типичным представителем просветительской эпохи: длительная дипломатическая служба при европейских дворах, настоятельный интерес к древней истории, к Античности, научные труды, приведшие к знакомству и многолетним контактам с передовыми европейскими мыслителями того времени.

Роль основного теоретика консервативного направления русской общественной мысли легла на плечи профессора Московского университета, историка Михаила Петровича Погодина (1800–1875), человека вполне демократического происхождения. На его исторические и политические воззрения оказали определяющее влияние две теории – норманнская теория происхождения русского государства, сторонником и активным защитником которой он стал, и новые идеи французских историков Огюстена Тьерри, Франсуа Минье и Франсуа Гизо. Идеи о роли «третьего сословия», о классах и классовой борьбе, теория возникновения государства в результате завоевания привели М.П. Погодина к твердому убеждению о качественном различии процессов становления власти в России и в Европе, к выводу о невозможности в России возникновения общественных классов, классовой борьбы и революции. Возможно, именно М.П. Погодин должен считаться автором противопоставления России и Европы как разных социумов, разных моделей государственности, разных путей исторического развития.

Идея эта, ставшая значительно более заметной у славянофилов, была внедрена в сознание русского общества лекциями М.П. Погодина, которые посещали все будущие русские славянофилы. В 1855 г. Ю.Ф. Самарин вспоминал: «Чему нас выучил Погодин, я не могу сказать, передать содержание его лекций я был бы не в состоянии, но мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются, в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам начала, по иным, еще не определенным наукой законам совершается её развитие» [11. С. 38].

Погодинская модель Запада исключительно узка. Это не Европа в целом как континент или как особая цивилизация. Фактически Европа для первых русских охранителей сводится к нескольким ключевым «великим европейским державам», с которыми России приходилось иметь дело в дипломатическом и военном отношении, это Франция, Англия, Австрия, в меньшей степени – Германия (собственно Пруссия).

Помимо М.П. Погодина, большой вклад в формирование основ русской охранительной мысли внес Степан Петрович Шевырёв (1806–1864), полагавший, что современное ему состояние Европы свидетельствует о глубоком кризисе и упадке. Именно Россия, по его мнению, могла стать силой, призванной спасти всё самое ценное в европейской культуре и цивилизации, ибо она исторически молода, должна осознать свои силы и научиться противостоять «магическому обаянию» Запада. Уделяя основное внимание вопросам образования и воспитания, Шевырёв постепенно переходил к констатации негативного отношения Запада к русскому человеку, писал о неблагодарности, о забвении тех усилий, которые были совершены Россией во имя спасения Европы в начале века. Современные исследователи подчеркивают эту эволюцию в процессе осознания европейской русофобии [18. С. 470].

Совместно издававшийся Погодиным и Шевырёвым с 1845 г. журнал «Москвитянин» стал одним из характерных для России журналов «определенного направления», выражая охранительную позицию, дальнейшее развитие которой просматривается в деятельности Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887) и Константина Петровича Победоносцева (1827–1907).

Впрочем, в отличие от родоначальников консервативного течения русской мысли К.П. Победоносцев практически нигде не прибегает к противопоставлению России и Европы как особых миров. Его мысль гораздо ближе к европейскому, классическому консерватизму, выступающему как реакция на Французскую революцию. В основе политической философии Победоносцева лежит религиозная идея, твердое убеждение, что в основе власти лежит божественная воля, а никак не народное волеизъявление – «великая ложь нашего времени» [9. С. 27], критика парламентаризма, выборных институтов, самой процедуры выборов становится основой идеологии К.П. Победоносцева.

Особое место в консервативной мысли занимает фигура Льва Александровича Тихомирова (1852–1923), революционера-ренегата, раскаявшегося в своём прошлом и ставшего верным защитником монархического строя, совершенно уникального персонажа в отечественной истории и в истории русской мысли. Лев Тихомиров выступает с критикой бюрократизма и политиканства. Он совершенно особым образом трактует теорию «естественных прав» человека, полагая их явлением исключительно нравственным. Он пишет: «Если бытие личности начинает становиться извращением природы личности и создавать вместо нравственно разумного существа некую антиэтическую или даже безумную силу, наш нравственный суд не только может, а даже и обязан не признавать «естественного права» этого извращенного бытия на существование и проявление своего извращенного существа» [14. С. 413].

Идеи Тихомирова стали основой для формирования в России в начале прошлого века монархических и черносотенных организаций.

Экзотическое крыло русского охранительства оказалось представлено на рубеже XIX–XX вв. идеями двух весьма неординарных мыслителей: Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) и Василия Васильевича Розанова (1856–1919). Их воззрения довольно сложно вписать в рамки «официальной народности» или привычного консерватизма европейского толка.

Судьба «русского Жозефа де Местра» как культовой фигуры русской мысли целиком оказалась посмертной: живой общественный интерес, дискуссии и обсуждения «реакционно-романтические» взгляды Леонтьева стали вызывать лишь в начале XX века. Его теория «цветущей сложности», носящая характер ретроспективной утопии, его планы создания славяно-восточной цивилизации на берегах Босфора подпитывали ностальгические и прожектерские настроения в широком политическом спектре: от монархистов до «патриотически мыслящих» либералов «веховского» разлива.

Невероятное же по объёму литературное наследие В.В. Розанова демонстрирует современному исследователю совершенно иные аспекты мыслительного процесса российского общества в ключевые 30–40 лет его развития. Изучение этого наследия и его включение в полномасштабную картину эволюции отечественной социальной мысли потребуют существенных изменений в наших традиционных представлениях и оценках.

Парадоксальным образом негативная реакция на «советское» и «революционное» в постперестроечный период привела к резкому всплеску интереса к наследию отечественных охранителей в современной российской интеллектуальной жизни. Значительно меньший интерес у сегодняшнего читателя вызывает либеральная линия русской общественной мысли. Исследователи порой начинают ее от реформ М.М. Сперанского или от идей иных ранних русских конституционалистов Александровской эпохи, но, на наш взгляд, у истоков отечественного либерализма стоит фигура Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856).

Мрачный, провокативно-эпатажный по своей сути, язык чаадаевских «Философических писем», отразивших плоды тяжелых умственных терзаний автора, формирует совершенно иное понимание Запада: это внутренне противоречивый образ католичества и интеллектуальной свободы. Образ этот неадекватен ни самой реальной Европе первой половины XIX столетия, ни той роли, которую автор пытался ему приписать. Однако «выстрел» Чаадаева по-настоящему зацепил русское общество, вызвав ответную реакцию власти, объявившей философа безумцем, негодование в кругах симпатизантов из числа близких к декабризму.

Он спровоцировал ответ в виде двух противоположных и неразрывных потоков отечественной мысли: славянофилов и западников, которые словно бы поделили чаадаевское наследие (в присутствии самого Чаадаева, мрачно взиравшего на их дебаты в московских салонах). Одни взялись защищать от нападок русскую историю и русскую жизнь, придавая ей совершенно идеализированные черты ретроградно ориентированной утопии. Вторые стали проповедовать принципы европейского универсализма, пренебрегая русской спецификой. Но оба противоборствующих лагеря заняли (вслед за Чаадаевым) позицию критики наличного российского бытия во всех его проявлениях.

Совершеннейший европеец по духу и по характеру мышления П.Я. Чаадаев, писавший свои сочинения на французском языке, слушавший лекции по философии в германских университетах, близко знакомый с Гегелем и другими немецкими философами той эпохи, предвосхитил становление русских «самобытных» мыслителей-славянофилов. Они были объединены как общностью социального происхождения (все они были выходцами из семей родовитого московского дворянства), так и общностью интеллектуальной школы (Московский университет с М.П. Погодиным, затем немецкая университет-

ская среда с Шеллингом и Шлегелем). Как раз социальный фактор – помещики – и идеализация допетровской Руси подвигли первых марксистских исследователей (например, Г.В. Плеханова) отнести славянофилов к консервативно-реакционному течению русской мысли. Более поздние советские исследователи проявляли к славянофильству большую терпимость, наследие данного течения русской общественной мысли неплохо издавалось и изучалось и в советский, и в постсоветский период.

Первым номером славянофильства, в зависимости от предпочтений исследователя, назначают либо Алексея Степановича Хомякова (1804–1861), либо Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856). Приоритет А.С. Хомякову по традиции отдают исследователи, ориентированные на изучение религиозной мысли. Одним из первых биографов Хомякова стал Н.А. Бердяев, уделивший особое внимание тому факту, что именно в трудах выдающегося славянофила произошла актуализация понятия «соборность», выведенного из сугубо церковного словоупотребления на уровень базовой категории русской жизни, на уровень главного отличия России от Запада. Для Хомякова водораздел миров идет по линии существенно мифологизированной истории религии: в труде, который писался до последних дней жизни автора, все религии делятся на религии необходимости (кушизм) и религии свободы (арийство). В конечном счете А.С. Хомяков провозглашает русское православие эталоном религиозной чистоты, подлинным воплощением свободы, которому противостоит восходящий к Римской империи мир несвободы, реализованный в католичестве, европейском меркантилизме, рационализме и философии Гегеля.

И.В. Киреевский начинал с издания журнала «Европеец» (1832). Недавно вернувшийся из Европы и подпавший под ее «магическое обаяние» молодой литератор в трактате «Девятнадцатый век» выделял три основания, лежащие в основе европейской культуры и цивилизации: христианскую религию, античное наследие и варварское начало. Россия же, по его мнению была лишена одного из них – наследия Античности, потому ее духовная и культурная жизнь оказалась беднее, потому основная сила народа и государства оказалась направлена вовне – на освоение огромных территорий. В качестве Античности для России выступала Европа. В последующие годы под влиянием оптинских старцев, собственной семьи и А.С. Хомякова Киреевский при общем сохранении начерченной схемы пересмотрел оценку роли и места античного наследия в формировании европейской жизни; она была негативизирована, стала синонимом рационализма, индивидуализма и прагматизма. Лишенная же античного влияния русская жизнь теперь представляла в идеализированном ключе.

При всей индивидуальной несхожести воззрений и идей ключевых славянофилов все они придерживались некоего набора общих постулатов: идеализировали допетровскую Русь как пример «органического» общества; ставили в центр общественного бытия не индивидуума, а некую общность – крестьянскую общину, церковь, семью; рассматривали «сиротство», т. е. отпадение от этой коллективности, как тяжелейшую трагедию личности; полагали необходимым осуществление реформ, исходящих сверху, как единственно возможный способ преобразования общества. Представители славянофильского течения русской мысли приняли активное участие в процессе разработки и осуществления Великих реформ Александра II. Неудовлетворенность и разочарование этими реформами и их последствиями подтолкнули поздних славянофилов либо к постепенному сближению с консерваторами, либо к переходу в лагерь так называемых почвенников, для которых характерна особо нетерпимая позиция в отношении Европы. Труды Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885), Николая Николаевича Страхова (1828–1896), Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) прямо противопоставляют Россию Европе, считают европейское влияние пагубным и разлагающим, а политическую позицию европейских стран по отношению к России – враждебной.

В отличие от славянофилов русские западники предстают значительно более разобщенным и пестрым по социальному происхождению, сфере деятельности и процессу интеллектуального становления сообществом, обычно возводимым к кружку Николая Васильевича Станкевича (1813–1840) или к Тимофею Николаевичу Грановскому (1813–1855), профессору Московского университета, специалисту по истории феодальной Европы. Для западников ключевыми темами стали проблема автономии личности, прогресса, свободомыслия. Русское западничество не могло стать и не стало таким оригинальным течением русской мысли, как славянофильство, но оно подготовило почву для оформления классического русского либерализма 1850–1860-х гг. (так называемого первого либерализма) в лице Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904), Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885) и Василия Петровича Боткина (1811–1869). Но, быть может, еще большее значение для процесса эволюции русской общественной мысли имел тот факт, что из гнезда западников вышла плеяда мыслителей, положивших начало русскому народничеству: А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, М.А. Бакунин и др.

Третье, революционное, направление русской общественной мысли берет свое начало в Александре Николаевиче Радищеве (1749–1802). Получивший образование в Германии, занимавшийся переводами на русский язык трудов французских просветителей из числа самых радикальных (аббат Мабли), екатерининский дворянин-служака стал автором знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», преисполненного обличительного пафоса. Напечатав книгу в подвале собственного дома вместе со старым слугой, подделав гриф «Одобрено цензурой» и выпустив труд анонимно, Радищев стал основателем отечественного самиздата, был приговорен к казни через четвертование и сослан в Сибирь. Там, в ссылке, он написал еще ряд произведений. Система воззрений А.Н. Радищева носила вполне просветительские черты: рабство, самовластие и суеверие – таковы были, по его суждению, причины бедствий народа и государства. Традиция, восходящая к Радищеву, не могла быть иной, как революционной.

Становление русского народничества происходило путем постепенного разочарования вчерашних западников в Европе. Оказавшись там, Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), Александр Иванович Герцен (1812–1870) и Николай Платонович Огарев (1813–1877) обнаружили совсем не то общество, каким они его себе представляли. Европа 1840–1870-х гг. переживала бурные процессы: развитие капитализма, буржуазные революции, возникновение новых государств. Но никаких примет скорого торжества социальной справедливости отцы русского народничества там не обнаружили, что, очевидно, и подвигло их к пересмотру прежних представлений. Итогом этого пересмотра стала теория «русского», «крестьянского», «общинного» социализма, разработанная А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским и их последователями.

Таким образом, в конце XIX столетия русская общественная мысль была представлена тремя ключевыми идейно-политическими направлениями: консервативным, либеральным и революционным. Но поверх этой классификации просматривается еще одно ярко выраженное расхождение: на так называемых самобытников (полагавших Россию особым типом общества, со своим исключительным историческим путем, с собственными политическими и социальными институтами и ценностями) и на универсалистов (мыслителей, убежденных, что пути России идут по тем же дорогам, что и всей мировой или, по крайней мере, европейской цивилизации).

Важно понимать, что представители обеих позиций присутствовали во всех трех лагерях русской общественной мысли. При этом видение Европы, Запада было вариативным и в большинстве случаев было призвано зафиксировать собственную интеллектуальную позицию.

«Главный спор»

Когда речь заходит о периоде 1890–1900-х гг. и упоминается проблема «главного спора», современный читатель не сразу понимает, о каком собственно споре идет речь. Великий писатель Максим Горький в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» вкладывает в уста своего героя фразу: «Жизнь дана мне не для того, чтоб я решал, кто прав: народники или марксисты». Но именно такова была дилемма русского интеллигента периода рубежа веков. В общественной мысли жестко столкнулись две непримиримые позиции, процесс самоопределения русского образованного общества, русской интеллигенции, всей этой читающей и «объясняющей» (М. Горький) публики вращался вокруг ключевой оси – проблемы «судеб капитализма» в России.

Особенностью русского народничества было отрицание процесса капиталистического развития России. Это идейное течение прошло в своем развитии четыре основных этапа: 1) раннее народничество; 2) революционное народничество 1870-х – 1881 г.; 3) либеральное (в современной литературе стали чаще использовать термин «легальное») народничество 1880-х гг.; 4) неонародничество, связанное с процессом формирования и деятельности партии социалистов-революционеров.

К началу 1890-х гг. народники были властителями дум той части интеллигенции, которая критически относилась к существующему строю и противопоставляла ему идеалы русского социализма. Эти идеалы были основаны отчасти на идеях Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889), изложенных в «Критике философских предубеждений против общинного владения» (1858), отчасти – на многочисленных трудах Николая Константиновича Михайловского (1842–1904), популярного публициста, оратора, издателя журнала «Русское богатство». С именем Михайловского связан ряд ключевых народнических положений о роли личности в истории, о так называемой формуле прогресса. Михайловский выступал в защиту идей К. Маркса, состоял с ним в переписке, утверждал, что при

полном признании правоты марксовской теории развития капитализма в Европе он не находит ей места в России, так как здесь капитализм невозможен. [7. С. 274]

Главную роль в деле обоснования невозможности развития капитализма в России взяли на себя два видных экономиста – Василий Павлович Воронцов (1847–1918) и Николай Францевич Даниельсон (1844–1918). Последний даже признавал себя последователем К. Маркса. Основными аргументами стали две ошибки или, возможно, два заблуждения. Во-первых, народники всегда очень узко понимали сам термин «капитализм», фактически сводя его к банковской системе и крупной промышленности. Развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, в мелком кустарном производстве ими из «капиталистического» исключалось. Напротив, капиталистическому хозяйству противопоставлялось так называемое народное производство, которое, по замыслам народников, должно было стать основой российской экономики при осуществлении правильной государственной политики. Во-вторых, народники, как, впрочем, и большинство русских и европейских экономистов того времени, признавали теорию третьих лиц в производстве, согласно которой капиталистическая промышленность может развиваться только при условии, что ее продукция будет потребляться некими третьими лицами, не включенными в процесс капиталистического производства. Отметим сразу, что данная теория, забытая сегодня практически всеми историками экономической мысли, была опровергнута в 1894 г. М.И. Туган-Барановским в книге «Промышленные кризисы в современной Англии». Но в предшествовавшие данному опровержению годы она была весьма популярна. В Европе она использовалась рядом политических публицистов как обоснование необходимости колоний для промышленно развитых стран. А вот в России народники использовали теорию третьих лиц для доказательства узости капиталистического рынка и искусственного характера русской капиталистической промышленности.

Отсюда в легально-народнической среде 1880-х – начала 1890-х гг. доминировало убеждение, что вся русская капиталистическая система стоит исключительно на государственной поддержке, своего рода злым гением они считали С.Ю. Витте, ратовавшего за максимальное содействие развитию промышленности и финансовой системы. Свою задачу народники этого периода видели в формировании «правильного» общественного мнения в кругах интеллигенции, что должно было привести к смене курса государственной политики и окончательно похоронить капитализм, открыв дорогу народному производству.

Народнические публицисты не выступали как антагонисты Запада (Европы), но, отождествив Европу с капитализмом, они категорически отвергли такой вариант развития для «русского мужика».

Тем интереснее представляется процесс зарождения марксизма в России. Собственно к началу 1890-х гг. сложились три основных пути проникновения марксистских идей. Первый путь – так называемый академический марксизм. Речь идет о группе русских экономистов, принявших теорию Маркса сугубо как научную доктрину, они использовали ее при написании своих трудов, популяризировали в статьях и книгах. Особое место в этом процессе принадлежало Николаю Ивановичу Зиберу (1844–1888). Второй путь обозначили бывшие члены группы «Черный передел», покинувшие Россию после раскола партии «Земля и воля». Оказавшись в эмиграции, эти бывшие народники приняли идеи марксизма, стали переводить, издавать и переправлять в Россию марксистские труды, стали писать собственные работы. В 1883 г. они создали группу «Освобождение труда», бесспорным лидером которой и патриархом русского марксизма стал Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918). Третий путь для внедрения марксистских идей создали сами народники. Не принимая теорию Маркса применительно к России, они тем не менее активно ее популяризировали, переводили и издавали марксистские книги.

Под влиянием марксистских идей стали возникать кружки и группы, преимущественно в студенческой и интеллигентской среде. Но в 1894 г. марксизм прорвался на поверхность русской общественной мысли, сформировав совершенно новую повестку дня. В этот год в России легально были изданы сразу четыре книги: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса, «К вопросу о монистическом взгляде на историю» Г.В. Плеханова (вышла под псевдонимом Белтов), «Промышленные кризисы в современной Англии» Михаила Ивановича Туган-Барановского (1865–1919), «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» Петра Бернгардовича Струве (1870–1944).

Именно книга Струве взорвала русское общество, породив жесточайшую дискуссию между народниками и марксистами, развернувшуюся на страницах печати, в университетских аудиториях, на трибуне Императорского Вольного экономического общества, в частных встречах и беседах. В эту дискуссию оказались втянуты широкие слои образованного общества, линия водораздела прошла по семь-

ям, компаниям друзей, коллегам по работе. Степень накала страстей хорошо передают случайные мемуаристы. Оказавшаяся на одном из диспутов молодая девушка записывала в дневнике: «Слушая эту речь, я чуть не с отчаянием чувствовала, что ничего не понимаю. Увы! Я ничего не знала ни об учении Маркса, ни о народниках, не читала новых работ наших молодых писателей-экономистов... Спорили горячо, но убедить друг друга все-таки не могли, и каждый остался при своем... Любопытно, что сказал бы нам деревенский мужик, если бы он мог попасть на это собрание?» [3. С. 293].

Главный спор народников и марксистов имел свою структуру. Уже в книге П.Б. Струве четко выделялись три основных блока. Первый блок состоял из критики основных положений народничества, в первую очередь – субъективной социологии П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, их представлений об активной роли личности в истории и вытекавших из этого теорий особой роли интеллигенции, ее долга перед народом, об автономии государства от экономических и социальных интересов отдельных групп. Всю совокупность данных представлений Струве объявлял в лучшем случае утопическими, а в худшем – реакционными: «Народничество есть отживающий экономический строй, возведенный в целую социально-политическую систему. Народники – идеологи натурального хозяйства и первобытного равенства» [13. С. 193].

Второй блок представлял собой изложение идей экономического материализма (под таким определением в тот период выступал марксизм в легальной печати). Следует отметить, что целый ряд идей, обозначенных Струве в «Критических заметках», уже содержал в себе потенциальную возможность идейной эволюции как самого автора, так и его единомышленников, эволюции, которая через несколько лет уведет «легальных марксистов» в сторону философского идеализма, экономического учения австрийской школы и либерализма в политике.

Третий блок касался вопроса о развитии капитализма в России. По мнению Струве, с этим всё обстояло вполне благополучно. Задачей момента он считал то, что «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» [13. С. 250]. Отметим, что особенное возмущение народнической общественности вызвал скандально знаменитый призыв автора: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» [13. С. 288]. Впрочем, чрезмерная восторженная апология капитализма как источника бытовой и производственной культуры не получила активной поддержки и в собственно марксистском лагере.

Дискуссии народников и марксистов со стороны марксистов продолжались до 1898–1899 гг. Официальное объявление о создании Российской социал-демократической рабочей партии в 1898 г. (манифест по просьбе организатора I съезда написал П. Струве), а также появление нового течения в марксистской среде в лице «экономизма» переориентировали представителей марксистского лагеря на дискуссии в собственной среде. А вот народники продолжали полемизировать с марксистами вплоть до середины 1900-х гг., делая это, так сказать, в одностороннем порядке.

В марксистском же лагере, причем не только в русском, но и в общеевропейском, в конце 1890-х гг. предметом живейшего обсуждения стали две книги: брошюра Эдуарда Бернштейна «Об условиях возможности социализма» (1896) и книга Рудольфа Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1897). Первая из упомянутых работ содержала тезис о возможности эволюции капитализма как способа предотвратить социальную революцию, вторая критиковала марксизм за фатализм, утверждая, что, при принятии строго научного прогноза неизбежности социализма, социалистическая партия превращается в «партию содействия лунному затмению». Целый ряд постулатов Р. Штаммлера послужили своего рода переходными ступеньками, по которым от марксизма стали отходить многие представители среднего класса, интеллигенции. Эти люди скоро найдут себя в новой политической роли. Петр Струве станет редактором журнала «Освобождение» (в 1902 г.), сыгравшего ключевую роль в консолидации либерального лагеря накануне революции 1905 г. Бывшие «легальные марксисты» станут частью «второго» либерализма в России, приведшего к созданию конституционно-демократической партии и иных либеральных партий.

Марксизм революционный на рубеже XIX–XX веков столкнется, во-первых, с ограничением легальности. Если в краткий период второй половины 1890-х гг. власть не видела в нём существенной угрозы, то с 1899 г. марксистские журналы начинают закрываться, возможности для открытых дискуссий в научной и образовательной среде оказываются исчерпаны. В самом социал-демократическом движении начинается процесс партийного строительства, сопровождавшийся расколами и разногласиями, однако эти процессы уже не носили публичного характера, ограничивались партийной средой и в этом плане не могут претендовать на особую роль в истории русской общественной мысли.

Почему «Запад»?

Так какова же причина, почему развитие русской общественной мысли происходило в связи с самоопределением по отношению к Западу (Европе)? Что вообще такое Запад для отечественной интеллектуальной традиции?

Во-первых, следует признать, что речь никогда не идет о реальных государствах, обществах, социальных группах, конфессиях. В том случае, когда в русской мысли мы говорим о Западе, мы имеем в виду некий мыслеполагаемый конструкт, отвечающий задачам полемики момента. В этом отношении Запад может представлять образец для подражания, инобытием, антиподом или угрозой.

Во-вторых, русская интеллектуальная традиция европоцентрична. Даже в тех случаях, когда Запад воспринимается негативно, русский мыслитель не может перестать быть европейцем по своей сути, по природе своего мышления, по способу осмысления реальности.

В-третьих, русская мысль очень требовательна и ревнива по отношению к Западу. В тех случаях, когда он воспринимается как образец для подражания, столкновение Запада реального с воображаемым образцом, как правило, оказывается болезненным и травмирующим процессом, порождает разочарование, критику и отторжение, вплоть до крайнего негативизма. Такая травма несовпадения ожидаемого с реальным способна вызвать смену ценностных установок и жизненных приоритетов. Возможно, сегодня российское общество переживает подобный по своей сути процесс. Парадигмальная ограниченность современного интеллектуального процесса побуждает общество и власти реанимировать и реактуализировать привычные и традиционные идейные концепты, наполняя их новым содержанием и прибегая к идейному эклектизму. В такой ситуации четкое понимание истоков конкретных идей и образов становится важнейшей задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. А.С. Хомяков. М., 1912.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Благословение, Институт русской цивилизации, 2000.
3. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М.: Международный университет, 2006.
4. Европеец. Журнал И.В. Киреевского. 1832 год. М.: Наука, 1989.
5. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 3 т. М.: Терра, 1997.
6. Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992.
7. Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II. М., 1900.
8. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Сочинения. В 24 т. Т. 20–24. М.: Государственное издательство, [б.г.]
9. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
10. Радищев А.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988.
11. Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Терра, 1997.
12. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. М.: Благословение, Институт русской цивилизации, 2010.
13. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894.
14. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Адир», 1998.
15. Ушаков В.В. Марксизм в контексте русской философской культуры рубежа XIX–XX вв. // История философии. 2014. № 19. С. 208–223.
16. Хомяков А.С. Семиамида [Исследование истинности исторических идей] // Хомяков А.С. Сочинения. Т. 1. М.: Медиум, 2008.
17. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989.
18. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М.: Издательство Московского университета, 2011.

Поступила в редакцию 20.12.17

N.N. Barmina

THE IDEA OF THE “WEST” IN RUSSIAN SOCIAL THOUGHT AT THE TURN OF THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURY

The article traces the history of evolution of three main strands of Russian social thought – conservatism, liberalism, and radicalism. Division of Russian thinkers into eurocentrists and supporters of Russia’s special way is at the center of this work. The article aims to analyze the idea of the “West” in Russian intellectual tradition. The main part of the arti-

cle marks the confrontation between the two movements of Russian thought at the turn of the nineteenth and twentieth century – namely, Marxism and Narodnik movement. The possibility of the capitalist development in Russia was an important issue of their debate. Representatives of Narodnik movement, such as N. Mikhailovsky, V. Vorontsov, N. Danielson, rejected the possibility of capitalist society in Russia. Such Russian Marxists as P. Struve, M. Tugan-Baranovsky, and G. Plehanov, on the contrary, claimed that capitalism in Russia was inevitable and considered it as a necessary step on the way to future socialism.

Keywords: Russian social thought, conservatism, liberalism, Marxism, narodnik movement, idea of the “West”, capitalism.

Бармина Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
политологии и политического управления
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: barmina-nn@mail.ru

Barmina N.N.,
Candidate of History, Associate Professor at Department
of Political Science and Political Governance
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: barmina-nn@mail.ru